

которая большего и не заслуживает, а интеллектуальных позиций, готовности и способности *мысль разрешить*, что, собственно, и заявлено в итоговом романе пятикнижия Достоевского как суть ищущего и страждущего *русского мальчика*. Однако *мысль разрешить*, т. е. сделать то самое, за что взялся, Раскольников не может, не способен. Он просто стряхивает с себя эту мысль, эту свою любимую идею, как обветшавшее платье, и тотчас, не опомнившись, не оглянувшись и не провозгласив эпитафии или анафемы, обряжается в новую. Сон о моровой язве, поразившей человечество, на который обычно указывают как на знак прозрения, — это опять обобщение, глобализация и тем самым уклонение от *личной* ответственности, о которой ни во сне, ни наяву — ни слова. Он ведь так ни разу не содрогнется из-за того, что сотворил, и если кого и жалеет, так только самого себя.

Вряд ли правомерно предположение Вяч. Иванова, что «Раскольникову изначально было родным сознание священных реальностей бытия, и только временно затемнилось для него их лицезрение: временно ощутил он себя личностью, изъятой из среды действия божеского и нравственного закона, временно отверг его и пожелал дерзновенно отвесть горделивую усладу преднамеренного отъединения и призрачного сверхчеловеческого своеначалия, измыслил мятеж и надумал беспочвенность, искусственно отделившись от материнской почвы».⁴⁶ Только то, что *временно*, есть в романе. Раскольников дан в связи со своей страшной идеей и без нее, без осуществленной по ней «пробы» не существует. Никаких «священных реальностей» в прошлом и всего лишь предположительное обетование *новой жизни* и *великого подвига* в будущем. Это очень хорошо почувствовал и сформулировал И. Анненский: «Сонечка должна его перемолоть. Но перемелет ли? Этой задачи Достоевский так ведь никогда и не решил, да и решать не принимался. Он свернул на другой, на страшный путь самобичевания, негодования и возмездия. И черт остался жив...».⁴⁷

«Контрабанда опасных взрывчатых веществ»⁴⁸ состоялась, провокация удалась настолько, что многочисленные исследователи творчества Достоевского, осуждая для порядка преступление, самого героя ставят на пьедестал, о чем он и бредил в своей камерке, когда сочинял статью «О преступлении», когда готовился к осуществлению *пробы*. «Молодой мыслитель Достоевского допускает жертву лишь во имя высшего гуманизма, устремленного к спасению и обновлению мира»,⁴⁹ — полагает Л. Гроссман. Споря с А. Моравиа, который назвал Раскольникова банкротом и посредственностью, В. Кожинов утверждает, что «Раскольников потерпел поражение, но цель его была безгранична», он «выше любого героя наполеоновского типа», ибо «внутренне предан безусловной справедливости и моральности».⁵⁰ «Заблудившимся филантропом, политическим преступником»⁵¹ — видит Раскольникова Г. Померанц. В самом романе простодушный Разумихин, которому были сделаны вполне прозрачные намеки, предпочитал предаваться самообману и подозревать в *Родьке* «политического заговорщика» (6, 341), ибо уж очень ему не хотелось, очень трудно было поверить, что *Родька* и есть искомый душегуб. Воистину, «черт остался жив»...

И самому Раскольникову автором была дарована жизнь.

⁴⁶ Иванов Вяч. Родное и вселенское. М., 1994. С. 303.

⁴⁷ Анненский И. Книги отражений. С. 191.

⁴⁸ Мережковский Д. С. Указ. соч. С. 214.

⁴⁹ Гроссман Л. П. Достоевский. С. 349.

⁵⁰ Кожинов В. Указ. соч. С. 180, 181.

⁵¹ Померанц Г. Открытость бездне: Встречи с Достоевским. М., 2003. С. 94.